

НАША ШЕВКЕТ-ХАНУМ

«У меня в душе ни одного седого волоса».
В. Маяковский

Трудно писать об этой чудесной женщине. Судьбы таких людей тесно влетают в судьбу страны.

Мне писать о Шевкет Мамедовой трудно вдвойне. Наше поколение не знало ее, как певицу, не застало ее на сцене. Мы знаем ее как профессора консерватории, народную артистку СССР, но от отцов слышали о ней, как о первой женщине-азербайджанке, ставшей актрисой, о первой пропагандистке азербайджанской музыки. Какая же она, эта женщина?

Встретиться с ней оказалось нелегко. На утренний звонок нам ответили, что Шевкет-ханум на занятиях в консерватории, днем она работала в архиве рукописного фонда, а вечером к ней пришли студенты.

Идти к Шевкет-ханум, когда у нее гости? Но если упустить и эту возможность, то когда же с ней встретиться?

Обаяние этой женщины не имеет границ. Живая, порывистая, она среди студенток казалась студенткой. Шутила с ними, когда зашел разговор о предстоящем вечере в консерватории, становилась внимательной, когда слушала их пение. Но когда она стала рассказывать...

Далекie эпизоды, встречи, события. Один за другим они рождались вслед за вспышкой воспоминания. Я слушала ее, и мне представлялся темный небосклон, и на нем первая звездочка, которая мерцает и кажется слабой. Но это все-таки звезда, и она взойшла, чтобы осветить людям.

Баку, 1912 год. В одной газете появилось объявление: «В пятницу 13 апреля оперными артистами будет представлена оперетта У. Гаджибекова «Муж и жена». В заключение будет устроено концертное отделение, в котором, между прочим, ученица миланской консерватории Шевкет-ханум Мамедова споет «Поминальную ночь» Лассена. Выступление артистов делается безвозмездно, весь сбор пойдет на продолжение учения Шевкет-ханум».

Раболеный буржуа-мусульманин был возмущен. Он мог пойти на нарушение любого закона человеческого, но не религиозного.

Как? Ханум? Женщина? Будет выступать на сцене перед мужчинами? Да еще хочет учиться? Скандал!

В театре он разразился в полную силу.

Не успела маленькая Шевкет, ей было тогда только 15 лет, выйти на сцену, как чопорная и богатая публика, рассеявшаяся в креслах, зашушумала. И как только выдерживали жилеты, ед-

ва стяннутые на одной пуговице на животах? Шевкет начала петь «Азру» Рубинштейна. Первым демонстративно поднялся турецкий консул. Спеша, но не забывая о своем турецком достоинстве, он покинул зал. За ним — взбешенный партер.

Друзья Шевкет — Гусейн Гулу Сарабский, Гусейн Араблинский и Узеир Гаджибеков, устроившие этот концерт, спохватились. Касса! Сбор! Но было поздно. Завербованные кочи взломали двери и ограбили кассу.

По городу разнесся слух, что дерзкую маленькую артистку хотят убить...

Ночью друзья привезли Шевкет в Баладжары, упростили проводника довести девушку до Тбилиси, и никому ни за что не рассказывать, кого он везет.

Так рухнула надежда. Но Шевкет уже привыкла к этому. Год назад она уехала из дому, в одиночку ринулась в океан. Ей как будто повезло: удалось выехать учиться в Милан.

Но счастье было коротким. Вскоре деньги, собранные друзьями, кончились, и она вернулась домой.

Небосклон светлел. Но должна была разразиться гроза, чтобы рассеялись все тучи до последней. Революция, годы гражданской войны выковыряли судьбы людей. Человек новой эпохи находил счастье в борьбе.

Шевкет была захвачена работой. Она жила в Киеве, участвовала в концертах в пользу нуждающихся, ездила по городам России с народными азербайджанскими песнями.

И вот она снова в Баку. Однажды Джафар Джаббарлы пригласил ее в театр, где шла его новая пьеса. Шевкет поразило, как хорошо играли актеры.

— Кто они? — шепотом спросила она у Джаббарлы.

— Рабочие, — с гордостью ответил он.

— Где они учились?

— Нигде, многие даже неграмотные.

Неграмотные актеры? Это поразительно. Не умея читать, они разучивали роли на слух, часами слушали одного грамотного человека. Нет, это нетерпимо.

На другой день Шевкет Мамедова пошла на прием к наркому просвещения.

Решение комиссариата было единогласным: училище образовать, директором назначить Шевкет Мамедову.

Шевкет была молодой директором. Но ей помогали друзья. Она переписывалась с Ипполитовым-Ивановым и Глиером, Собиновым и Неждановой, Головановым и Штейнбергом, Пироговым и Пятаржинским, Спендиаровым и Аракешидзе.

Многие видные московские педагоги приехали преподавать в бакинское театральное училище. Приехал и Глиер. Азербайджанская национальная оперная музыка была тогда совсем неизвестна России. Нужно было вывести азербайджанскую музыкальную культуру в большой мир, дать театру репертуар.

Глиер начал писать «Шахсенем». Шевкет-ханум вместе с Курбаном Примовым и Бюль-Бюлем напевала ему мелодию за мелодией, вводя композитора в богатый мир самобытной азербайджанской музыки.

И тут она столкнулась еще с одной трудностью — не было нотного издательства. Шевкет второй раз пошла к наркому просвещения и второй раз стала не только инициатором, но и руководителем важного дела. Композиторы собирали в селах и деревнях народные мелодии, гармонизировали их. Впервые родные мелодии стали пособием для школьников.

В эти годы произошла интересная встреча. Однажды к Шевкет-ханум пришел Глиер:

— Хочешь увидеться с Ипполитовым-Ивановым? Завтра он будет проезжать через Баладжары.

Шевкет-ханум переписывалась со знаменитым композитором, но никогда с ним не встречалась. Стоянка поезда — 20 минут. Она вбежала в купе и остановилась. Навстречу поднялся громадного

МАСТЕРА АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ИСКУССТВА

роста человек, протянул ей руку и добродушно сказал:

— Так это вы Шевкет Мамедова? Вот такая маленькая пичужка, да делает такие большие дела? Не ожидал. Много, видеть, в вас духу...

Но что бы ни делала Шевкет-ханум, она прежде всего оставалась певицей. В ее репертуаре — арии из русских и европейских опер, которые она пела в Баку, и национальные песни, с которыми она вновь объездила всю страну и долго выступала за границей. Восторженные отклики о ее концертах сопровождали ее во всех городах. Но Шевкет-ханум радовало признание не ее личного искусства, а искусства ее народа. Газеты писали: «Выступление Шевкет-ханум Мамедовой доказывает, что вокальное мастерство и большая музыкальная культура являются уделом не только европейцев». Вот что было самой дорогой наградой Шевкет-ханум.

Мир стал огромным. Было время, когда он был ограничен четырьмя стенами классной комнаты, где прошло первое занятие по истории театра.

На декаде в 1938 году Азербайджан показал Москве шедевры национальной оперной музыки — «Кероглу» и «Нергиз». Тогда Шевкет Мамедовой было присуждено высокое звание народной артистки СССР.

Когда Шевкет-ханум уходила со сцены театра, это не был уход со сцены искусства. В Азгосконсерватории открылся класс профессора Шевкет-ханум Мамедовой.

Как-то летом в Мардакянах она отдыхала в саду, а соседский парнишка Исмаил что-то чинил в колодце. И вдруг из колодца она услышала красивый голос. Ария Каварадосси. Интуиция актрисы подсказала — это голос певца.

— Исмаил, а ну-ка вылезай.

— Я еще не закончил, Шевкет-ханум.

— Поднимайся немедленно, простудишься.

Хочет ли учиться? Конечно, только для консерватории... он не подготовлен.

Вечером Исмаил пришел на первый урок к профессору Мамедовой. Сейчас Исмаил Рагимов — студент консерватории.

Сколько таких студентов, которым она привила любовь к искусству? Ей пишут из Москвы, Махачкала, Казани, Челябинска. Однажды из Махачкала пришел необычный концерт. В нем была пластинка. Волнуясь, Шевкет-ханум включила проигрыватель. «Дорогая моя Шевкет-ханум. Это я — Людмила Платонова. Я спою для вас романс Мурада Кажлаева». Людмила пела, а ее учительница вспоминала каждый урок с этой девочкой. Как она добивалась, чтобы Людмила чувствовала образ, исполняла как на сцене. Людмила спорила: «Ведь у нас просто урок» — и уставала от многих повторений.

Уставала! А Шевкет-ханум не знает, что такое усталость. Говорят, что с годами душа старится. Это неправда. Если бы сейчас надо было прожить все сначала, она нашла бы энергию сделать еще столько же, сколько сделала.

Недавно Шевкет-ханум получила от Людмилы приглашение на свой дебют. Это был единственный день, свободный от занятий в консерватории, и Шевкет-ханум выехала в Махачкала. Девочка, она по-прежнему называла ее девочкой, спела блестяще. Шевкет-ханум была счастлива. Вот для чего она живет, и готова прожить еще сотни жизней...

Сотни жизней... Вы говорите, Шевкет-ханум, что незачем жить человеку с состарившейся душой. Да, незачем. Пусть ему сто лет, но пусть в его душе, как в вашей, не будет ни одного седого волоса.

С. СИЛЬВЕСТРОВА.

МОЛОДЕЖЬ АЗЕРБАЙДЖАНА

14 ЯНВ 1962